

Предисловие

Было дело: меня называли «главным биографом Пугачёвой». Это случилось еще в конце 1990-х, тогда вышла моя книга «Алка, Аллочка, Алла Борисовна». Первая биография певицы, которую потом даже будут лестно называть «канонической». Честно говоря, там много чего не доставало, какие-то «нехорошие» факты я опустил или притушевывал, и она была слишком литературна. Но тогда мне хотелось сделать из Аллы Борисовны настоящую героиню романа. И та книга разошлась колоссальным тиражом.

Сам я познакомился с Пугачёвой, когда текст моего романа уже был готов. Многие удивлялись, почему я писал книгу без героини. Ответ был прост: взгляните хотя бы на биографии великих – много ли томов там создано при участии героев? Единицы. Кроме того, я отлично понимал, что если приду к Пугачёвой и скажу, что «пишу о вас целый труд, давайте встречаться-общаться», книга никогда не будет сделана. Я был тогда малоизвестным журналистом, зачем ей, суперзвезде, такой автор?

Спустя годы я сделал еще одну биографию, более строгую. Теперь пришло время третьей, итоговой, Бог любит троицу. Это самое полноценное жизнеописание – от рождения до наших дней.

Да, Пугачёва сама много лет собиралась писать автобиографию. Даже придумала название – «Силы небесные». Но притом в каких-то интервью говорила, что ей было пророчество: как только напишет – случится что-то дурное. Может, и выдумала этот сюжет. Хотя во всякие пророчества и мистику свято верит. Но Алла Борисовна очень нам дорога, пусть ничего не пишет, пусть спокойно живет и растит детей.

О ней сказано уже очень много. Было много вранья. Я попытался сделать честную книгу, без ретуши. А главное – наконец объяснить: почему она? Почему столько лет Пугачёва остается самой известной женщиной на огромных пространствах, называвшихся когда-то СССР? И ведь нет давно никакого Союза.

А Пугачёва есть.

Глава 1

Предки
Знакомство родителей
Операция на горле
Младший брат

Пугачёва иногда рассказывает, что самое первое в ее жизни воспоминание – это ослепительный свет. И поясняет: видимо, это был свет в операционной, куда ее отправили сразу после рождения.

Не станем сейчас устанавливать правдивость мемуара и консультироваться с ироничными специалистами по нейрофизиологии. Пусть и ослепительный, миф этот далеко не самый яркий из тех, которые за свою жизнь сочинила о себе Алла Борисовна.

Впрочем, операционный стол действительно был тогда, 15 апреля 1949 года. Врачи обнаружили у новорожденной небольшую опухоль на горле. Опухоль удалили без осложнений, однако родителям пришлось сильно понервничать.

В предыдущем году Борис Михайлович и Зинаида Архиповна похоронили своего первенца Гену, который младенцем умер от дифтерии. Поэтому второго ребенка ждали с мучительной надеждой и страхом. Зинаида Архиповна, убежденная коммунистка, тайком ходила вечерами в церковь и, как умела, молилась.

Однако родиться с «бракованным» горлом, которое спустя годы будет покрывать торжествующим меццо-сопрано полмира, – что это, если не гадкая шутка, произведенная Мойрами над беспомощным пока существом?

Но – к черту мистику!

Пока двухэтажный дом в Зонточном переулке радуется девочке. Лучше бы, конечно, пацана, сейчас-то после войны мужики очень нужны. Но и эта жизнь нового советского человечка тоже в радость.

Борис Михайлович Пугачёв и Зинаида Архиповна Одегова познакомились в Москве, после войны. Ему было немногим меньше тридцати, она – на четыре года моложе. Оба воевали. Борис Михайлович на фронте оказался в разведке и потом всегда с удовольствием рассказывал самые удивительные истории, что с ним приключались. За это балагурство жена, посмеиваясь, называла его «Василием Тёркиным».

Борис родился в Москве в 1918 году. А его отец приехал сюда из Могилевской области. Род Пугачёвых – из небольшой деревни Узгорск, ее даже на карте трудно найти. По семейному преданию, Мария, прабабушка Пугачёвой, была целительницей и дожила до 90 лет. В тех краях все Пугачёвы и похоронены. Так что не стоит верить фантазерам, которые приписывают Алле Борисовне родство с Емельяном Пугачёвым, тот был донской казак, к тому же его потомки сменили фамилию.

На войне Борис Пугачёв потерял правый глаз: во время уличного боя пуля попала в стену рядом, сколов кусок кирпича, который отлетел в голову разведчика. «Хорошо, что камешек, а не сама пуля», – шутил Борис Михайлович.

После войны, будучи уже крупным хозяйственным работником, он любил играть в народном театре. Те, кто хорошо знал Пугачёва, уверяют, что именно от него Алла унаследовала естественное озорство и неумный артистизм.

Зинаида Одегова пошла на фронт с Урала. Она была родом из города Березники Пермской области, где и закончила педагогический техникум. (В Березниках, кстати, до сих пор живет обширная родня Аллы Борисовны – рабочие, шахтеры. Из тех же мест родом Борис Ельцин – так что вполне бунтарская у города аура.) Двадцатилетняя Зина стала бойцом противовоздушной обороны. Кроме того, за хороший голос ее взяли в концертную бригаду, которая в грузовичке разъезжала по батальонам, дивизиям, полкам и, как тогда говорили, «поднимала боевой дух Красной армии». У нее не было никакого музыкального образования, но это в тот момент не имело значения.

Кстати, в архиве общества «Мемориал» значится некий Архип Одегов, сельский счетовод, которого арестовали в 1937 году. Наверняка это пугачевский дед, которого она не знала. Этому Одегову тогда повезло: в 1939-м его уже выпустили. Однако в 1943 году он погиб на фронте.

Известная украинская актриса Маргарита Криницына приходится Пугачёвой родственницей как раз по линии Одеговых. Криницына сыграла Проню Прокоповну в фильме «За двумя зайцами» 1961 года. Забавно, что эту же роль Пугачёва возьмет себе в новогоднем бенефисном мюзикле в 2003 году.

Выйдя в 1947 году замуж за Пугачёва, Зинаида Архиповна поселилась у него в комнатке на Качновке – старом московском районе неподалеку от метро «Аэропорт». Там у них и родился Гена, которого крестили в церкви Всех святых, что у станции «Сокол».

Факт крестин в семье коммунистов заслуживает отдельного комментария. Храм заново открыли всего лишь за год до этого: то

был период, когда сталинское руководство проявило прагматичное послабление в отношении Русской Православной Церкви. Ближе к концу войны вдруг сообразили, что вера может послужить мобилизирующим фактором не хуже криков «За Сталина!». Священникам, которых незадолго до этого сотнями отправляли на Колыму, вдруг разрешили служить. Церковная «оттепель» продолжалась и после войны, так что крестины младенца не приветствовались, но и не карались. А простая русская женщина Зинаида Архиповна была уверена, что крестить ребенка надо обязательно – как же иначе?

Там же, на маленьком погосте около Всех святых Гена и был похоронен. А вскоре Пугачёвым дали жильё у Крестьянской заставы – Крестьянки, как называли ее жители. Они поселились на втором этаже двухэтажного деревянного дома в Зонточном переулке. Тот начинался от знаменитого «сотого» универмага и быстро заканчивался у Первого часового завода. Дом № 14, где обитали Пугачёвы, ничем не выделялся среди других таких же домов этого ветхого района. Вокруг громоздились склады магазина, гаражи, неизменные голубятни. Дворы были огорожены деревянными заборами, из одного двора в другой попадали через калитки.

В начале семидесятых Зонточный переулок и его окрестности начисто снесли – вдоль Волгоградского проспекта начинали возводить новые огромные дома. От легендарной рабочей Крестьянки ныне совершенно ничего не осталось. Теперь от пугачёвских времен здесь лишь здание универмага, который, впрочем, тоже давно превращен в торговый центр «Сотый».

Пугачёвы удостоились неслыханной роскоши – двухкомнатной квартиры, крошечной, но отдельной. Это благо заслужил Борис Михайлович, который тогда уже был мелким хозяйственным работником, ну и членом партии, разумеется. В квартире не хватало лишь ванны, но коммунальный быт эпохи и не предполагал такой роскоши. Оперативные омовения совершались в большом тазу на кухне, а полноценно очищались по выходным дням неподалеку – в Воронцовских банях. Бани, кстати, сохранились, хотя и были сильно перестроены.

Супруги представляли собой почти что идеальную пару. Зинаида Архиповна была большой модницей по тем временам и хорошо шила – вечерами часто сидела за швейной машинкой «Зингер». А Борис Михайлович, как только выдавался свободный день, мчался на рыбалку. Он возвращался с лещами или плотвичкой и радостно провозглашал с порога: «Сейчас мы эту рыбешку

уконтропопим!». У него было два любимых словца: это самое «уконтропопить» и еще одно, загадочное «аляфулюм». Борис Михайлович говорил: «все будет аляфулюм», что означало «все будет хорошо, классно, клево». Происхождение этого слова так и осталось для родственников неясным.

Зарплаты Бориса Михайловича вполне хватало на то, чтобы жена не задумывалась о работе и была просто домохозяйкой. В то время редкая женщина могла себе такое позволить.

Много позже, в интервью 1975 года Пугачёва скажет:

«Если бы не война, я родилась бы в артистической семье. Моя мама была певицей, но потеряла голос на фронте, а отец мечтал стать артистом оригинального жанра, однако был ранен, лишился глаза... И я родилась уже в семье инженеров...».

Легенду про родителей-инженеров она повторит еще не раз. Объяснение видится простое: папа-снабженец и мама-домохозяйка не очень выгодно смотрелись как факт биографии «девчонки с окраины». А сказать «инженер» – это все равно, что ничего не сказать. «Инженер» в советской мифологии было понятием универсальным и бессмысленным одновременно.

Через год после Аллы у Пугачёвых появился второй ребенок.

Женя Пугачёв родился 7 апреля 1950 года. Борис Михайлович смеялся, что дети «обложили» отца с обеих сторон, поскольку его собственный день рождения приходился на 12 апреля.

Женю тоже крестили. При этом все детство ни Алла, ни ее брат нательных крестиков не носили, это уже было ненужным фрондерством – они хранились у мамы в сокровенной шкатулочке.

Тут автор не без гордости должен заметить, что он стал первым журналистом, который раскрыл «тайну» пугачёвского брата. Это было в 1997 году, когда делалась предыдущая книга.

Кто-то из старых друзей Пугачёвой в разговоре вскользь упомянул о брате. Какой такой брат? Как какой – Женя! На языке таблоидов такое открытие называется просто – сенсация. Собственно, именно так и написали на обложке еженедельника «7 дней», где автор тогда работал.

А Евгений Борисович принял у себя дома очень тепло, с холодной водкой. Закуска была щедрой и простой – как и положено военному и холостяку с двумя сыновьями.

В 1968 году Женя Пугачёв поступил в Горьковское высшее военно-командное училище связи. Дело в том, что он давно был равнодушен к радиотехнике, хотя мама с четвертого класса определила его в английскую спецшколу. Но иностранный язык

не сыграл решающей роли в жизни сына, на что уповала Зинаида Архиповна.

Из Горького Женя привез не только лейтенантские погоны, но и молодую жену. У них вскоре родился сын Артем.

Офицерская карьера Пугачёва складывалась удачно – он оказался в Центральном аппарате Министерства обороны.

«Но бывает же злой рок, – вспоминал он. – Однажды я попал в дурацкую историю. Я тогда работал в районе станции Тарасовка. В один из выходных дней я вывозил семьи командного состава на Пироговское водохранилище. Уже при подъезде к нему у меня сломалась машина. До водохранилища было близко, и все пошли пешком, а я остался ремонтировать машину. Скоро я понял, что нужна помощь и не глядя тормознул черную „Волгу“. На этой „Волге“ я доехал до станции и там вызвал подмогу.

Скоро приезжает к нам особист: «Ну, расскажите, как все было». Рассказываю. «А о чем говорили в „Волге“?». Оказалось, что в ней сидел военный атташе посольства США, матерый разведчик, которого вскоре выслали. (Дело в том, что в Тарасовке находились дачи американского посольства.)

Так после Москвы как «пособник шпиона» я сразу попал на Семипалатинский полигон. (Все, конечно, понимали, что встреча с этим злополучным атташе была чистой случайностью, но были обязаны как-то меня наказать.) Я провел там семь лет. Ближайший населенный пункт от нашего ядерного полигона – казахская деревня – находился в десяти километрах, воду мы брали из маленького артезианского колодца. Попасты иногда в сам Семипалатинск для нас было большой радостью. По выходным нас развлекали фильмами – такими, как «Чапаев» или «Коммунист».

Там меня научили пить – по-настоящему. Причем, как бы ты ни напился, наутро был обязан явиться на службу, и чтоб никто из начальства ничего не заподозрил. Они, конечно, обо всем знали – все ведь рядом, в одной части, но просто доверяли нам. Иначе там невозможно. Да и потом, это не Москва, где каждый мечтает занять место другого – потеплее. Вряд ли кому-то было нужно меня «подсиживать» в Семипалатинске. Там совсем другие отношения».

Алла, естественно, пыталась помочь Жекеше, как она называла брата, пыталась вызволить его из казахских степей. Просила об этом своих приятелей-военных. Но что могла сделать эстрадная звезда, даже любимая генералами? Определенный срок Пугачёв все равно должен был пробить в ссылке. Более того, однажды его вызвали в Особый отдел и достаточно строго попросили не афишировать, кто его родная сестра. «Думаю, – предположил Евгений Борисович, – что и с ней провели беседу на эту же тему».

Из сослуживцев мало кто знал о родстве Евгения Пугачёва с первой звездой нашей эстрады. В анкетах, где требовалось указывать родственников, он писал: «сестра, солистка Москонцерта». Ну, мало ли там солисток... А Пугачёв – не самая редкая фамилия.

Кстати, внешне они совершенно непохожи.

В Семипалатинске Пугачёв женился во второй раз: первой супруге не слишком приглянулась тоскливая жизнь в зоне с постоянным ядерным излучением. Там же родился сын Владислав.

Алле удалось увезти с полигона маленького Артема. Она пыталась вызволить и брата, но безуспешно. Даже генералы оказались бессильны перед подозрением в «шпионаже».

Его дальнейшей судьбой во многом опять-таки распорядился случай. Как-то к ним на полигон прибыл с проверкой полковник из столицы. Он узнал, что Пугачёв тоже москвич, обрадовался, и по этому поводу они вдвоем очень хорошо «посидели». А через полтора месяца Жене пришел вызов из Москвы. «Тогда ведь все такие вопросы решались за стаканом», – философски заметил Евгений Борисович.

Потом были спецоперации в Афганистане, где наш «ограниченный контингент» уже оказывал «братскую помощь». Пугачёв всю жизнь отказывался рассказывать, что ему приходилось там делать, когда вместе с бригадой спецназа его на несколько дней забрасывали в горы.

«Меня всегда очень поддерживал отец, – вспоминал Евгений Борисович. – Однажды я вернулся из такой спецкомандировки. Отец обнял меня, спросил: „Все в порядке?“ – „Все в порядке“, – ответил я. Только он один и понял, где я был. Что делал».

Потом офицер связи Пугачёв был взят на работу в некое военное управление, связанное с правительством:

«Вот где я увидел красивую жизнь. Вокруг меня уже не было офицеров в потрепанных комбинезонах... Все были чьими-то сынками и племянниками».

В задачу Евгения Борисовича, среди прочих, теперь входило обеспечение средствами охраны и сигнализации дач Горбачева, Рыжкова, Язова.

«Очень меня веселило, как строили дачу Моисеева – бывшего начальника Генштаба. Построили, приезжает его жена, осматривает все и говорит: „Так, солнце будет всходить отсюда, куда выходит окно. Значит, будет будить нас рано. Переделать“. Приезжает в следующий раз: „Теперь окно смотрит в лес. Значит, будет постоянная тень, сырость, комары. Переделать“. И так еще несколько раз».

В 1994 году Пугачёв вышел в отставку в чине полковника. Сорок четыре года – возраст уж никак не пенсионный, но, как

объясняет он сам, дальнейшая служба стала для него непосильна по состоянию здоровья: семь лет в поле интенсивного излучения дали о себе знать.

Но на офицерское пособие Евгений Борисович жить не захотел, тем более что один растил двух сыновей: его вторая супруга преисполнилась внезапного «свободомыслия». Отставной полковник попробовал себя в качестве телохранителя, но потом отказался от этой хоть и хорошо оплачиваемой, но ненормированной работы. Алла как-то сказала, что могла бы предложить ему работу у себя, «но ты ведь привык слушаться приказов начальства, а не сестры».

В нашу давнюю встречу я задал ему опасный вопрос: «Неужели никогда не было никакой зависти или ревности к великой сестре?». Он ответил: «Нет, у нас просто разная жизнь, я всегда был рад за нее».

А спустя пару дней он сам позвонил: «Знаете, я же ведь тоже не бездарность. Я стихи пишу. Может, вы их опубликуете?».

Он их прислал мне. Но были они совсем никудышными, увы.

Пугачёв много лет работал водителем. Не скрывал, что сестра помогает с деньгами ему и двум сыновьям, называл ее «золотым человеком». Снова женился. Не сложилось. В интервью «Комсомольской правде» он говорил: «Вы меня не осуждайте, что я доверился своей молодой подруге. Я вдовец, жену уже много лет назад потерял. Думал, что, встретив новую любовь, смогу создать семью, родить еще детей. Но, увы, не сложилось... Она нашла другого, бросила меня, оставила без копейки денег...».

В феврале 2011 года ему сделали операцию на сердце. Он сам признавался: «Мы с Аллой оба сердечники, у нас это наследственное – наши родители не дожили до 70 лет, умерли от инфаркта».

После операции Евгений Борисович прожил лишь неделю. Его похоронили на Кузьминском кладбище рядом с родителями. На похоронах, конечно, была сестра.

Глава 2

Уроки музыки
Первые комплексы
и фантазии
Эдит Пиаф
Приговор отцу
«Побег» на Кубу

Алле было пять лет, когда Зинаида Архиповна пригласила для нее учительницу музыки. Трофейное пианино Zimmerman дождалось своего часа.

«Аллой Пугачёвой ее сделала мама!» – утверждал брат певицы Евгений Борисович. В интервью газете «Молодежь Эстонии» в 1976 году сама Пугачёва лирично повествовала: «Мне было пять лет, когда в нашу квартиру привезли пианино. Черное такое. Большое. И строгое. Как папин выходной костюм. Я вначале побаивалась его. Держалась подальше. Но любопытство взяло верх. Приблизилась, открыла крышку и... зажмурившись, коснулась одной из таинственных клавиш. Раздался звук, и совсем нестрогий. Вскоре мы подружились».

В семь лет Аллу уже отдали в музыкальную школу при училище имени Ипполитова-Иванова, а Женю – на фигурное катание. Зинаида Архиповна только и успевала отвести-забрать одну, потом – другого.

Когда девочка садилась за фортепиано, Зинаида Архиповна выкладывала на полированной крышке инструмента десять спичек. Алла должна была сыграть одно и то же упражнение или пьесу десять раз, перекладывая по одной спичке справа налево. Самое интересное, что мама не стояла рядом и не проверяла, точно ли следует дочь ее указаниям. Алла могла ведь вместо одной спички переложить сразу две, а то и три, облегчив свою участь. Но она никогда так не делала.

Правда, иной раз, когда ребята с улицы уже по пятому разу кричали снизу «Алка, выходи!», она пыталась тихонько улизнуть, но непреклонная Зинаида Архиповна гоняла неразумную дочь по всей квартире, стегая полотенцем по худенькой спине.

Когда Борис Михайлович приходил с работы и видел свою измученную Алену – так он называл дочь – за инструментом, то начинал возмущаться: «Все! Хватит! Она не будет музыкантом! Она станет обычной официанткой! Официанткой!». Но быстро успокаивался.

У Пугачёвых постоянно бывали гости. Мама обязательно просила Аллу что-нибудь сыграть. Та усаживалась за пианино, шуршала нотами. Чаще всего она прилежно исполняла щемящий полонез Огинского, культовое произведение советского народа.

Зинаида Архиповна сама чуть-чуть играла. В дни семейных праздников она пела свой любимый романс в вальсовом ритме «Осенние листья». Музыка Бориса Мокроусова, слова Марка Лисянского.

Спустя десятилетия, когда уже и мамы не будет в живых, Пугачёва запишет эту песню для телевизионного шоу «Старые песни о главном»:

Осенние листья шумят и шумят в саду.
Знакомой тропой я рядом с тобой иду.
И счастлив лишь тот,
В ком сердце поет,
С кем рядом любимый идет...

Пугачёвы стали в своем доме первыми счастливыми обладателями телевизора. Это был чудо-прибор под названием «Ленинград Т2» с миниатюрным экраном, перед которым ставилась специальная линза для увеличения изображения. Если посмотреть на линзу под углом (допустим, сбоку), то картинка на экране приобретала комический характер – вроде отражений в комнате смеха.

Для вечернего просмотра телевизора собирались чуть ли не все соседи – похожую ситуацию изобразил Никита Михалков в «Пяти вечерах». Пугачёвы никому не отказывали в этом удовольствии, несмотря на тесноту.

То ли из-за разглядывания нотных значков при тусклом свете, то ли из-за послевоенной скудной еды у Аллы стало ухудшаться зрение. (Кстати, к полезным фруктам у нее на всю жизнь останется почти равнодушное отношение, даже когда появится возможность поглощать в любом количестве.) Зинаида Архиповна отвела дочь к окулисту – тот прописал очки. Мама сходила в оптику, заказала первую попавшуюся оправу. Когда Алла увидела эти круглые черные очки, как у старушки-почтальонши, то заплакала. Но мама велела не валять дурака и носить их.

«Я, конечно, не знала, что буду артисткой, – скажет потом в одном из интервью Пугачёва. – И, наверное, из-за того, что я даже об этом и не мечтала, как-то воображала себя ею. Внешность была – да, уникальная... Рыжая, очки круглые, коса-селедка... Ужас, ужас. И все равно казалось... И это мне давало возможность быть

лидером в классе. В кого-то могли влюбиться, они были красивее, все это знали. Были усидчивее. Но я была лидером. Была круглой отличницей. Мне сидеть за партой было не так интересно, как отвечать урок. Потому что я вставала лицом к классу. Это был для меня зрительный зал. И если я не знала чего-то – это было для меня просто ужасно. Как забыть слова на сцене. И все равно, если бы я даже поскользнулась и упала бы перед всем классом, я сказала бы: „Ап!“. Потому что мне нельзя было иначе. Все знали, что я могу выкрутиться из любого положения. Я всегда все знала. И только иногда я специально не выучивала урок. Нельзя же всегда положительным героем выходить: я чувствовала, что это может наскучить классу» (журнал «Алла», № 5, 1995).

Алла училась в 496-й школе, которая находилась в Лавровом переулке, как раз рядом с Воронцовскими банями. Школа была новой и открылась именно тогда, когда наша героиня пошла в первый класс – в 1956 году (сейчас это пятиэтажное здание занимает Детский центр технического творчества). Класс Пугачёвой был большим и, что называется, трудным. «Мы все время качали права», – говорили одноклассники Аллы. Сама она тоже нередко проявляла строптивость, несмотря на регулярные нагоняи от Зинаиды Архиповны. Правда, за активность Аллу как-то выбрали старостой класса. Ее ценили в школе за музыкальное образование. Старшеклассники звали Пугачёву на свои вечера, чтобы она аккомпанировала их выступлениям. Понятно, какую зависть это обстоятельство вызывало у девчонок из ее класса. Она с ходу подбирала любые песни, но на публике сама петь не решалась. Отчасти и потому, что стеснялась щели между передними зубами. Поэтому, общаясь с мальчиками, улыбалась несколько неестественно, прикрывая верхней губой свой «недостаток».

«Во дворе Алла тоже всегда была заводилой, – вспоминал Евгений Борисович Пугачёв. – Я-то был маменькиным сыночком, а она, наоборот, всегда общалась с местной шпаной». В районе Крестьянки на местную молодежь наводил страх парень по кличке Джага. (В молодежном журнале тут уместна была бы шутка про то, что Россия – родина регги, и дальнейшее дымное развитие этой темы, но это не наш жанр.) Кроме неприятной внешности, Джага славился еще и как обладатель «финки» – финского ножа, воспетого всей блатной лирикой. Но даже с вооруженным Джагой Алла разговаривала достаточно дерзко. Возможно, после этих диалогов у нее дрожали руки-ноги, но своей смелостью она всех поражала. Не зря ее любимым писателем в детстве был Аркадий Гайдар.

За крутой нрав Пугачёвой в округе было присвоено прозвище «фельдфебель». Когда кто-то из дворовых мальчишек отпустил

дурацкую шутку насчет одноглазого Бориса Михайловича, Алла подошла к нему и негромко произнесла сквозь зубы: «Ну, теперь ты узнаешь, как жить без глаза...». Размахнулась и что есть силы ударила по лицу обидчика ее отца. С тех пор тот старался больше не сталкиваться с «этой психичкой Пугачёвой».

Как все девушки шестидесятых, она была чуточку влюблена в актера Олега Стриженова, из актрис ей нравились Одри Хепберн и Джина Лоллобриджида. Алла обменивалась с подружками открытками, фотографиями кумиров. Как все девушки всех времен, она вела дневник. Потом в момент какой-то мимолетной печали предала его огню. Вряд ли стоит сожалеть об утраченных письменах, выведенных быстрым и гладким почерком Пугачёвой в нежном возрасте: с точки зрения истории культуры они ценности не представляли. Такие дневники – всего лишь рукописная «кардиограмма» момента.

До старших классов в свободное от музыки и прогулок время Алла придумывала модели платьев. Она рисовала их на бумаге – очень старательно, цветными карандашами, тщательно изображая каждую сборку. И все это тоже пропало, увы. В противном случае Валентин Юдашкин получил бы немало источников для вдохновения.

Сама Пугачёва не раз рассказывала, что в подростковом возрасте у нее открылась вдруг странная аллергия – на цвета одежды. Просто буквально цветобоязнь:

«Я ничего не могла надеть, кроме черного. Это было ужасно. Школьная форма меня как-то спасала. Но не та, которая продавалась в магазинах. Приходилось подыскивать какой-то специальный материал и шить у портнихи. Каждый лоскуток проверяли – нет ли у меня на него аллергии. Как правило, от зеленого, красного, голубого меня начинало трясти. Надену платье, пять минут похожу – и впадаю в полуобморочное состояние, голова холодным потом покрывается.

Сколько врачей вызывали! Они заявляли, что это, конечно, аллергия, но какая – непонятно. Я все время говорила: „Мама, вот если б можно было стать знаменитой и поехать в другую страну, хоть на край света, чтобы вылечиться, как бы я была счастлива“. Мама плакала и отвечала: „Ничего, девочка. Можно и из черного кофточку сделать!“. И стала я свои черные вещички носить так, чтобы все думали, будто у меня полно нарядов, но я их просто не хочу надевать. Учителя спрашивали: „Что ж ты на вечер в такой одежде пришла?“. Знали, что у меня родители

достаточно обеспеченные. Так я еще порву на себе что-нибудь нарочно. Пусть все думают: какая же неряха, ведь может прилично одеться, а вон что на себя нацепила. Это была первая и самая сложная роль в моей жизни – изображать взбалмошную, счастливую и богатую...».

Вряд ли выстраивание такого образа было глубоко продуманным. Хотя, что касается «взбалмошности», тут многие современники соглашались. Вера Александровна Петровская, классная руководительница героини, припомнила историю: «Она с мамой Зинаидой Архиповной что-то не поделила. Ну, не то, что не поделила... То ли домой вовремя не пришла, то ли что... Мама как-то ее за это ущемила. И Алла в знак протеста ушла из дома. Для мамы, которая за ней всегда следила, это был серьезный удар. На следующий день Зинаида Архиповна прибежала в школу. Спрашивала у ребят, где Алла. Я ходила к ним домой, успокаивала ее. А потом Алла нашлась. Как выяснилось, она чуть ли не в подъезде всю ночь сидела. Алла вообще была с характером девочка».

(Кстати, Вера Александровна – мама Ирины Петровской, известной журналистки и телекритика.)

Одноклассница и подруга Аллы Елена Белова описывала не менее увлекательные истории: «По вечерам мы ходили впятером гулять по набережной. Бывало, какие-то мальчишки начинали к нам приставать. Это, конечно, было не то, что сейчас. Но мы, тем не менее, опасались. И когда такая шайка на нас надвигалась, мы выпускали вперед Алку. Она ставила волосы дыбом, делала дебильное выражение лица, начинала хромать, сама подходила к ним и дурным голосом спрашивала, сколько времени или как пройти в библиотеку. Мальчишки в ужасе шарахались от нее. Это был целый концертный номер. Она доводила нас просто до истерики. А Ленка однажды от смеха даже описалась. Еще мне запомнилось, как на переменах Алка нам рассказывала, где она родилась. Один раз она родилась в Америке, другой раз – где-то еще. Мы знали, что это неправда. Но не слушать ее было невозможно».

Остановись, мгновенье! Пожалуй, это самая ранняя датировка Пугачёвских фантазий. Пока лишь спонтанное, трогательное девичье привирание. От «крестьянской» Америки до космоса с его сигналами пройдет несколько эпох. Но первые позывные раздались тогда, в школьных коридорах, где разносился запах кислых щей.

Лет с двенадцати она начала писать стихи и песни. Было у нее, например, такое трогательное произведение:

Я встретила его в школе музыкальной.
Держал в руках он скрипку и смычок...

Мелодия этой песенки подозрительно напоминала романс «Я встретил вас», но это Аллу не сильно смущало.

Еще одна ее песня повествовала о некоей романтической девушке: «А в нашем подъезде Ассоль живет...». Непростые, драматические отношения с окружающим миром складывались у этого персонажа. Хотя она и была Ассоль, но все называли ее просто Аня... Что ж – потенциальный подростковый хит.

Родители приносили домой пластинки: Утесова, Шульженко, Эллу Фицджеральд – все, чем была богата фирма «Мелодия». Однажды кто-то дал Алле послушать пластинку французской певицы. Алла сначала даже не прочла толком, как произносится ее имя. Завела трескучий черный диск и обомлела. Женщина вибрирующим прокуреным голосом пела: «Non je ne regrette rien...».

«Эдит Пиаф» – прочитала Алла, поднеся к глазам обложку. «Я ни о чем не жалею».

Скорее всего, это была пластинка, изданная в Москве в середине 1960-х: песни Пиаф перемежались рассказами о ней Натальи Кончаловской (жены Сергея Михалкова, мамы Никиты и Андрона).

Интересно другое. В 1997 году, когда Пугачёва будет готовиться к конкурсу «Евровидение», она запишет три варианта песни «Примадонна» – на русском, английском и французском. Последний почти никто не слышал. Но именно благодаря французской версии можно ощутить буквально генетическую связь двух могучих «П».

В интервью журналу «Советская жизнь» в 1977 году Пугачёва сказала: «...Идеалом для меня была и остается Эдит Пиаф... Слушая ее песни, я постоянно ловлю себя на ощущении, что это моя мать – насколько я понимаю, что она делает, что она хочет сказать, мне это так близко, что просто мороз по коже...».

Алле было четырнадцать лет, когда Бориса Михайловича посадили на три года за хозяйственные злоупотребления. Это случилось в расцвет эпохи Хрущева, в 1963 году, когда власти вдруг рьяно принялись чистить ряды хозяйственников.

Борис Михайлович был тогда директором по сбыту Талдомской обувной фабрики. Все детство Аллу сопровождали терпкие запахи кожи: отец то и дело приносил с фабрики какие-то кусочки. К нему приходили сослуживцы, они раскладывали эти куски